

том военном противостоянии с Западом. Двусмысленность его положения, даже после блестящей операции по выводу Франции из войны, состояла в том, что, располагая ресурсами почти всего континента, он так и не обрел сущностной геополитической обособленности. СССР, благодаря политике большевиков, такую самостоятельность имел и при удачных обстоятельствах ей воспользовался. Заключение советско-германского пакта перед самым началом войны не вело к ее эскалации. Напротив, поскольку в игру вступила столь мощная периферическая по отношению к этому процессу евразийская сила, его нарушение теперь означало окончательную и бесповоротную глобализацию войны. В июне 1941 г. Гитлер пошел на этот шаг, подготовив и осуществив мощное вторжение в Россию. На это решение повлияли, прежде всего, идеологический и военно-стратегический факторы. С геополитической точки зрения, этот шаг был обусловлен все тем же продолжающимся болезненным размежеванием между Третьим рейхом и Великобританией, которому после «битвы за Британию» не было видно конца. Ход Второй мировой войны, как продолжения талассократической политики, вынудил нацистскую Германию попытаться исправить свое двусмысленное геополитическое положение путем обретения тотального сухопутного превосходства [6, с. 281 – 289].

Талассократии даже в этот критический период удалось удержать преимущество. После того, как советско-германский пакт был нарушен, конфликт стал чисто военным. Дипломатическое превосходство, полученное еще в 1938 г., так и оставалось за Великобританией. И тем двусмысленнее становилось положение Гитлера, если он продолжал надеяться на передел сфер влияния с ней. Оказавшись в конечном итоге среди держав-победительниц, Англия сумела одержать именно геополитическую победу. Со всех остальных точек зрения победа была пирровой. Великобритания фактически потеряла империю, а импульсивная политика У. Черчилля лишь способствовала нарастанию хаоса [16, р. 283, 362]. Парадоксальным образом потеря геополитического влияния этой страны и попадание ее в сферу могущества США сочеталось, с той же геополитической точки зрения, с ее победой. Такова особенность Моря, которое не терпит пространственной структуры.

Источники и литература

1. Дугин, А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. – СПб., 2007.
2. Дугин, А.Г. Карл Шмитт: 5 уроков для России / А.Г. Дугин. – URL: <http://arctogaia.org.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=23>
3. Дугин, А.Г. Логос и мифос. Социология глубин / А.Г. Дугин. – М., 2010.
4. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М., 2000.
5. Классика геополитики, XX век: Сб. – М., 2003.
6. Лиддел Гарт, Б.Г. Стратегия непрямого действия / Б.Г. Лиддел Гарт. – М., 1957.
7. Сиполс, В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны / В.Я. Сиполс. – М., 1989.
8. Системная история международных отношений: в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М., 2000.
9. Тейлор, А.Дж.П. Вторая мировая война / А.Дж.П. Тейлор // Вторая мировая война: Два взгляда. – М., 1995.
10. Хайдеггер, М. Положение об основании / М. Хайдеггер. – СПб., 2000.
11. Черчилль, У. Вторая мировая война. Кн. I / У. Черчилль. – М., 1991.
12. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. – СПб., 2008.
13. Шмитт, К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря / К. Шмитт. – URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=524>
14. Эвола, Ю. Оседлать тигра / Ю. Эвола. – СПб., 2005.
15. Aigner, D. Das Ringen um England. Das deutsch-britische Verhältnis. Die öffentliche Meinung 1933 – 1939, Tragödie zweier Völker / D. Aigner. – München; Esslingen, 1969.
16. Buchanan, P. Churchill, Hitler and Unnecessary War : How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World / P. Buchanan. – N.Y., 2008.
17. Documents on British Foreign Policy, 1919 – 1945. Series 3 (1938 – 1945). – V. II. July – September 1938. – L., 1949.
18. Documents on German Foreign Policy, 1918-1945. Series D (1937-1941). Vol. II. Germany and Czechoslovakia. 1937 – 1938. – L., 1950.
19. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler. – N.Y., 1941.
20. Mallett, R. Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933 – 40 / R. Mallett. – L., 2003.
21. Newman, S. March 1939: the British Guarantee to Poland / S. Newman. – Oxford, 1976.
22. Taylor, A.J.P. The Origins of the Second World War / A.J.P. Taylor. – L., 1961.

УДК 338.246.025.2

Р.В. Горохов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ И УЧЕТ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ И АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В данной статье рассматриваются основные формы контроля за частной промышленностью, существовавшие в 1920-е гг., – регистрация и учет предприятий. В начальном периоде НЭПа указанные мероприятия проводились с целью определения правового статуса предприятий и установления государственного регулирования, впоследствии с их помощью осуществлялось вытеснение частного сектора из экономики.

Регистрация, контроль, частные предприятия, новая экономическая политика.

This article considers the basic forms of control over private industry that existed in 1920^s such as registration and enterprises accounting. In the initial period of NEP these activities were held to determine the legal status of the enterprise and to establish the government control, later on crowding out the private sector of the economy was carried out.

Registration, control, private enterprises, new economic policy.

В связи с увеличением в 1920-х гг. числа частных предприятий важной проблемой государственного регулирования промышленности стало осуществление контроля над их деятельностью, что в советской историографии характеризовалось как мера защиты государственных интересов [12]. Однако контроль над частными предприятиями был необходим и для выполнения еще одной задачи – оценки состояния частной промышленности и проведения тех или иных мер регулирования.

Одной из форм контроля над численностью частных предприятий стала их государственная регистрация. Действительно, с ее помощью предприятия входили в сферу правового регулирования и только с момента регистрации включались в хозяйственный оборот на законных основаниях. Особенную важность регистрация имела именно в 1920-е гг., так как в прошедшие до этого несколько лет предприятия существовали стихийно, многие бездействовали, данные о промышленности были отрывочны, а без них было невозможно проводить какие-либо действенные меры по развитию экономики. Ведь даже в конце 1921 г., когда большая часть мероприятий по восстановлению промышленности была проведена, некоторые предприятия все же не работали. По данным Вологодского губернского совета народного хозяйства из 49 заводов, расположенных в Грязовецком, Кадниковском, Каргопольском уездах, 9 бездействовали [9, л. 1 – 6].

В первую очередь регистрации подлежали вновь открываемые промышленные заведения. Эта обязанность была закреплена в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., согласно которому предприятие имело право осуществлять деятельность только после регистрации в уполномоченном органе. В данном случае это были Губернские исполнительные комитеты, на основании постановлений которых Губернские советы народного хозяйства выдавали владельцам Удостоверения о регистрации. Отметим, что регистрация носила разрешительный характер, что указывает на специфику отношений государственных органов и вновь открываемых предприятий. Однако удостоверение было не единственным документом, подтверждавшим регистрацию предприятия. В случае организации юридического лица, в частности, товарищества, необходимо было также зарегистрировать устав либо товарищеский договор. Анализ этих документов, находящихся в архиве, позволяет сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев они являлись типовыми и содержали одинаковые условия участия и взаимоотношений с государством. Кроме того, материалы позволяют говорить о большом количестве регистрируемых предприятий, прежде всего, в начальный период нэпа. Так, за период с октября 1922 г. по февраль 1923

г. в Вологодской губернии было создано шесть товариществ [6]. Диапазон размеров уставного капитала был широким – от 2 750 (товарищество «А.А. Фишер и Ко» [6, л. 76]) до 1 000 000 руб. («Лесозаготовительное объединение «Архжелес» [6, л. 138]), и зависел от состава участников. В основном капитал предприятия был сравнительно небольшим. Например, при создании Крендельного товарищества трое участников вносили по 500 руб., двое – по 250 [6, л. 1], при создании Галантерейного товарищества два участника вносили по 2 250 рублей [6, л. 106], при создании товарищества «Леонов и Ко» шестью учредителями был образован уставный капитал в размере 10000 рублей [6, л. 128]. Наибольший интерес при анализе состава участников вызывает Пивоваренное Товарищество «Новая Богемия» Воденко и Ко», которое было образовано 1 августа 1922 г. тремя участниками: Промысловым кооперативным товариществом «Фортуна», Александровым Ипполитом Александровичем и Николаем Ивановичем Воденко. Первый и второй участники вносили денежные средства в размере 400 000 руб. и 80 000 руб. соответственно, а гр-н Воденко вносил пивоваренный завод стоимостью 400 000 руб., однако в учредительном договоре существовало прямое указание на то, что последний «несет ответственность деньгами, но не заводом и инвентарем» [6, л. 26]. В отличие от остальных предприятий, здесь был установлен срок окончания его действия – 1 сентября 1925 г., но он мог продлеваться по желанию участников [6, л. 27]. Безусловно, наличие таких специфических условий было вызвано большими вложениями участников и отсутствием уверенности в экономическом положении участников.

Следующим обязательным условием, содержащимся в уставе, было указание вида деятельности, установление неограниченной ответственности членов товарищества всем имуществом и запрет на участие в каком-либо однородном предприятии [6, л. 6]. Кроме того, необходимо было представить заявление, список учредителей и устав в трех экземплярах.

Помимо вновь создаваемых предприятий регистрации подлежали и уже существовавшие заводы – это регламентировалось совместным Декретом ВЦИК и СНК «О порядке установления прав на промышленные предприятия» от 22 марта 1923 г. В соответствии с ним обязанность по перерегистрации возлагалась на всех владельцев частных промышленных предприятий, которые подлежали национализации, но не были национализированы. Спустя несколько дней с момента принятия Декрета в Торгово-промышленной газете была опубликована статья «Регистрация частных предприятий», в которой указывалось, что регистрация «имеет не социально-политические, не экономические, а лишь учетные и юридические задачи», и целью является определение

собственников спорных предприятий. Кроме того, здесь «нельзя видеть стремление ущемить частную промышленность, ни один законный собственник не должен быть лишен своих прав в силу этого закона» [14, с. 1]. Действительно, мы можем убедиться в том, что рассматриваемый декрет не направлен на изъятие предприятий у частных, ведь в этот период проводилась политика, направленная на привлечение частной инициативы в экономику.

Таким образом, регистрация предприятий имела два направления: учет всех действующих частных предприятий и решение вопроса законности проведения национализации. На практике это создало благоприятные условия для ведения учетной политики, с этого момента сведения о частных предприятиях стали гораздо полнее и достовернее, подтверждением чему служат многочисленные списки предприятий, с помощью которых оценивалась место и роль частной промышленности в экономике Европейского Севера. Вообще, основные показатели, которыми оперировали органы государственной власти, были сформированы именно в 1923 г. С этого момента происходит и систематическое сравнение показателей частных предприятий, в том числе с другими категориями [8], в процессе сбора данных по частным предприятиям ставились вопросы об их удельном весе в промышленности, а также о том, какие отрасли являлись «главными» в частной промышленности [8, л. 8].

Начиная с 1923 г. государственные органы ведут детальный учет предприятий, причем особое внимание уделялось именно частникам. В этот период формируется система налогообложения, где основное место занимал промысловый налог, а для его взимания необходимо было установить разряд каждого промышленного заведения, который, в свою очередь, зависел от числа наемных рабочих и механических двигателей, используемых на производстве, поэтому большое количество сводных учетных данных содержало именно эти показатели. Органами, в большей части проводившими комплексную работу по сбору информации о предприятиях на уровне губернии, стали Губернские статистические отделы, однако весь механизм учета предприятий ими не ограничивался, так как первичный сбор данных осуществлялся на уровне уездов, которые затем отправлялись в губернские органы, такие как: экономические совещания, советы народного хозяйства и т.д. В статистические отделы информация поступала из многих источников, поэтому именно она является наиболее полной и достоверной для воссоздания общей картины положения частной промышленности.

Следующей формой учета частных промышленных предприятий являлся учет предприятий по отдельным отраслям с выделением тех, которые имели большое значение для определенной местности. На Европейском Севере таковыми являлись: деревообрабатывающее (особенно в Архангельской губернии), кожевенное производство и солеваренная промышленность. Например, 20 мая 1924 г. Главным экономическим управлением ВСНХ в адрес Воло-

годского отдела местного хозяйства было направлено отношение, в котором предлагалось произвести регистрацию солепромыслов, находящихся на территории ведения. На тот момент в губернии существовало два частных солепромысла, расположенных в Тотемском уезде, на которых было занято 72 рабочих и 17 служащих. Общий объем добытой соли в 1922/23 хозяйственном году составил 136 920 пудов, в то время как в период до 1914 года собиралось до 75 тысяч пудов [8, л. 8]. Таким образом, мы можем видеть, что для высших экономических органов власти в этот период интерес представляли не только внешние характеристики предприятий, но и сам процесс производства, поэтому есть основания говорить о существовании в то время намерений «перевести» эти предприятия под контроль государства. Это не значило, что какие-то отдельные заводы, находившиеся в частных руках, будут отобраны, суть заключалась именно в целостной политике, которая в определенный момент времени будет направлена против всего частного сектора.

Теперь следует обратиться непосредственно к тем материалам, которые составляли результат политики учета предприятий. В период с 1918 по 1921 гг. документация государственных органов по вопросу учета промышленных предприятий не отражала действительной ситуации в связи с отсутствием полного объема сведений. Те немногочисленные материалы, которые содержали данные об исследуемом объекте, отражали лишь количество предприятий, причем сведения о них предоставлялись владельцами в добровольном порядке. Этому есть свое объяснение – деятельность заведений неограниченного сектора не была урегулирована, не было четких правил деятельности и не было причин для создания комплексной базы по учету.

В самом начале 1920-х гг. были созданы экономические совещания, в функции которых входило регулирование новыми отношениями в хозяйственной сфере. Однако никакое регулирование невозможно без знания объекта регулирования, поэтому все имевшиеся сведения стали объединяться в одно целое, результатом чего стало создание Списка торговых, промышленных, государственных и частновладельческих предприятий по Вологодской губернии [11]. Данный список составлялся по уездам губернии и представлял собой несколько таблиц, которые содержали следующую информацию:

- 1) наименование предприятия;
- 2) наименование (либо фамилия, имя, отчество) владельца;
- 3) разряд предприятия и срок выдачи патента [11, л. 30 – 42].

В некоторых таблицах сведения о разрядах и сроках выдачи патентов отсутствовали, вместо них отражалось наименование выпускаемой продукции [11, л. 64 – 67]. Предприятия здесь указывались бессистемно, без какого-либо деления на частные, государственные или кооперативные, что позволяет сделать вывод о том, что данные собирались не одномоментно, а в течение всего этого периода из разных источников, причем снова по этим данным невозможно

установить, какие предприятия возникли после изменений в системе регулирования частными предприятиями, а основное количество патентов было получено в 1922 г. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что в составленных перечнях предприятий указывались и частные, и государственные предприятия. Это позволяет выявить действительную долю частных предприятий в промышленности того времени. Так, на основании этих данных в городе Тотьме и уезде действовало 8 таких предприятий из 264, то есть 3 % от общего количества [11, л. 30 – 42], по Кадниковскому уезду доля частника на 10 декабря 1922 г. составляла 9 % (31 из 325 заведений) [11, л. 27 – 34]. Таким образом, распространение частных предприятий было различным и по всей Вологодской губернии в первую очередь вследствие территориального расположения тех или иных уездов. Однако и здесь нет единого подхода к учету предприятий, так как, например, г. Вологда и Вологодский уезд здесь не представлены, возможно, по причине неопределенности правового положения предприятий из-за нарушений при их национализации. Подводя итог анализу приведенных данных, можно сказать, что в действительности это были лишь самые первые шаги к систематизации учетных данных, которая имела своей целью получение лишь общих, но в то же время максимально полных данных об этой отрасли народного хозяйства.

В дальнейшем, когда сбором сведений стало заниматься специальное ведомство – статистический отдел, мы можем увидеть определенный прогресс в форме подачи материала, в наличии выводов по представляемым сведениям и т.д. Здесь материал не просто собирается, а проводится его анализ и классификация. В качестве показательного примера следует привести Список промышленных предприятий губернии по переписи 1923 г., где отдельно приведены данные о частниках применительно к 1923 г. Список вопросов о частных промышленных предприятиях состоит из нескольких разделов: наименование производства, число промышленных заведений в отрасли и число рабочих, занятых на этих предприятиях.

Таким образом, в первом квартале 1923 – 24 хозяйственного года в Вологодской губернии насчитывалось 155 частных предприятий с 497 наемными работниками [8]. Здесь не учитывались мелкие кустарные предприятия, которые функционировали без применения наемной рабочей силы: их численность была гораздо больше, а основным критерием, согласно которому объединены данные, являлся факт использования наемного труда без деления на ценовые и неценовые предприятия. Это важный сюжет в области учета предприятий, поскольку в тот период политика в отношении частника еще не была четко разграничена по данному принципу, но направления к этому делению уже были обозначены.

Теперь обратимся к учетной политике Архангельской губернии. Здесь мы можем увидеть, что в 1920 г. учет промышленных предприятий был на уровне выше, чем в Вологодской губернии. Однако после введения НЭПа, напротив, учетной политике

стало придаваться меньшее значение, и первые данные о состоянии промышленности губернии можно узнать лишь применительно к 1924 – 25 гг., несмотря на то, что эту работу проводили не только статистические отделы, но и другие органы власти. Так, Губернской рабоче-крестьянской инспекцией 15 июля 1922 г. был издан приказ № 84, согласно которому «вменяется в обязанность обращать самое серьезное внимание на то, чтобы всеми государственными учреждениями, а равно общественными и частными организациями и частными лицами оказывалось статбюро всемерное содействие при собирании ими статистических сведений» [2, л. 50].

В документации губернского статистического отдела содержатся списки торгово-промышленных предприятий города Архангельска [1]. Здесь отдельно выделяются промышленные предприятия, которые подразделяются на разряды согласно Положению о промысловом налоге, то есть в зависимости от числа наемных рабочих. В рамках того или иного разряда происходит деление по признаку владения предприятием: на государственные, кооперативные и частные, но и здесь можно говорить о недостатках учетной политики: наличие сведений относительно лишь количества предприятий не совсем полно раскрывает картину положения частной промышленности в регионе, так как не позволяет ответить на некоторые вопросы, касающиеся ее деятельности.

Рассматривая ситуацию середины 1920-х гг., мы видим усложнение форм, по которым отслеживается состояние дел в экономике и выражением этого выступает появление большого числа учетных показателей. Также внедряются новые принципы закрепления сведений: совместно с предыдущими данными, так в 1925 г. Вологодским губстатотделом была составлена таблица «Промышленность в Вологодской губернии» [7, л. 9], содержащая следующие данные относительно крупных промышленных предприятий:

- число предприятий, число лиц, занятых в предприятиях (с разделением на рабочих и служащих), стоимость произведенных изделий, средняя заработная плата в месяц (данные приводились не по всем предприятиям, о чем сделана оговорка);

- периоды, по которым отображались сведения: 1913, 1922, 1923 г., 1-е и 2-е полугодия 1924 г.

Таким образом, происходило комплексное сравнение основных экономических показателей первых лет новой экономической политики и дореволюционного периода. Безусловно, здесь мы видим значительное уменьшение частных предприятий и, соответственно, числа рабочих в них за счет перераспределения в пользу государственного сектора. Если в 1913 г. доля частного производства соответствовала 93 %, то в 1922 г. она равнялась 13 %. Несмотря на увеличение этого показателя во втором полугодии 1924 г. до 22,2 %, государственный сектор, без сомнения, был преобладающим в экономике губернии. Основной вывод, который можно сделать из приведенных данных, касается общего производства продукции – количество выпускаемой продукции в стоимостном выражении в годы НЭПа превысило

уровень 1913 г. только в 1924 г., когда было произведено продукции на 5 % больше.

К середине 1920-х гг. в Архангельской губернии также завершается этап накопления сведений о частных предприятиях, производится анализ этих данных в сравнении различных периодов, например, изменения заработной платы работников промышленных предприятий в 1925 и 1926 гг. [5, л. 57]. Безусловно, и здесь, и в иных вопросах особое внимание уделяется соотношению частного, государственного и кооперативного секторов [6, л. 6], [5, л. 57]. Особо следует отметить, что в Архангельской губернии вопросам промышленности уделялось большое внимание партийными органами, в частности, губернским комитетом, что также говорит о политической значимости этих вопросов.

В завершающей стадии НЭПа ситуация в частном секторе изменилась, крупные и средние предприятия прекратили свое существование либо перешли под контроль государства, а продолжали существование лишь кустарные предприятия, которые государство пыталось «вписать» в новую – плановую – модель экономики. Такая цель возникла еще в начале 1920-х гг., подтверждением чему может служить то обстоятельство, что при осуществлении контроля над кооперативными предприятиями со стороны государственных органов исследовались торговые операции, а также состояние промышленных заведений, основная цель заключалась в установлении взаимодействия с другими кооперативными и государственными учреждениями, отсутствие коммерческой выгоды. Например, в докладе по обследованию Важского кооператива содержится следующий вывод: «Использование Важсоюзом в полной мере необходимости кооперативных и государственных средств отмечается как достижение в смысле выполнения перед кооперативом задачи – вытеснение с рынка частного капитала» [3, л. 350]. Значение этого сюжета отмечалось и центральными органами, которые обозначали задачи местным властям. Так, в отношении Высшего совета народного хозяйства заведующему Вологодским ГСНХ от 14 июня 1925 г. указывалось: «В последнее время совершенно определенно выявилось значение кустарной промышленности в народном хозяйстве Союза в условиях переживаемого момента... В ряде СНХ и ОМХ до сих пор отсутствует учет кустарной промышленности и не имеется для этого соответствующих ячеек. Поэтому, надлежит точно выявить современное состояние кустарной промышленности и систематизировать довоенные данные. Далее необходимо принять все возможные меры к использованию кустарей вокруг государственных предприятий... и объединить их вокруг торговых органов. При этом СНХ и ОМХ должны обратить особое внимание на производственное кооперирование кустаря...» [10, л. 125].

Поэтому и в конце 1920-х гг. все внимание было сосредоточено на объединение кустарных предприятий в кооперативные образования, для чего, исходя из Резолюции III Пленума ВСНХ РСФСР от 21 марта 1928 г., в этой области необходимо было решить ряд основных задач: «установление связи кустарей с

сельским хозяйством; аграрное перенаселение; борьба с безработицей; учет роли частного капитала; выделение отдельных социальных прослоек кустарей в отношении наемной силы, размера заработка и т.д.» [4, л. 3]. В то же время в отношении более крупных предприятий проводилась достаточно жесткая политика и одной из основных мер по «выдавливанию» частного становится очередная (вторая по счету) перерегистрация предприятий, предусмотренная Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. [13], согласно которому собственники частных предприятий с числом наемных рабочих более 20 в течение двух месяцев обязаны представить в ВСНХ заявления о регистрации. По результатам рассмотрения заявления выносилось решение о регистрации частной собственности либо в отказе от регистрации, в последнем случае предприятие подлежало изъятию в пользу государства, как и в случае непредставления заявления. Фактически этот акт прямо не отвергал частную собственность на промышленные предприятия, однако с помощью процедуры «установления прав» государственные органы лишали собственников их владения, целью данного акта стало «перераспределение» основных фондов. Результатом данного акта стало стремительное уменьшение роли частного в ценовой промышленности. Относительно промышленных предприятий, действовавших на Европейском севере, Постановление не имело сколь либо значимой роли, так как отражало отношение государства к оставшейся частной промышленности и предназначалось для легального давления на крупные предприятия.

Таким образом, в регистрационной и учетной политике государственных органов на протяжении 1920-х гг. происходили значительные изменения. Эта область деятельности была достаточно важной для регулирования и определения положения частных промышленных предприятий, так как с помощью нее в начальном периоде нэпа государство получило информацию о состоянии дел в экономике, что позволило выработать новые методы управления этим сектором, а в дальнейшем определять эффективность принимаемых мер и производить их корректировку.

Источники и литература

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. Р-221. – Оп. 4. – Д. 373.
2. ГААО. – Ф. Р-266. – Оп. 1. – Д. 451.
3. ГААО. – Ф. Р-266. – Оп. 9. – Д. 1.
4. ГААО. – Ф. Р-352. – Оп. 1. – Д. 1003.
5. ГААО. Отдел ДСПИ. (Отдел документов социально-политической истории). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1057.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. Р-53. – Оп. 1. – Д. 865.
7. ГАВО. – Ф. Р-143. – Оп. 1. – Д. 459.
8. ГАВО. – Ф. Р-143. – Оп. 1. – Д. 710.
9. ГАВО. – Ф. Р-301. – Оп. 1. – Д. 1693.
10. ГАВО. – Ф. Р-307. – Оп. 3. – Д. 8.
11. ГАВО. – Ф. Р-1729. – Оп. 2. – Д. 6.
12. История социалистической экономики в СССР (в семи томах) / [ред. кол. В.А. Виноградов и др.]. Т. 2: Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР 1921 – 1925 гг. – М., 1976.

13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 года «О порядке установления прав на промышленные предприятия» // СУ РСФСР. – 1928. – № 130. – Ст. 842.

14. Торгово-промышленная газета. – 1923. – 28 марта. – № 69.

УДК 94(47).081.4 + 528.94

Д.А. Гаврин

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 – 1878 ГГ.

В статье рассматривается топографическое обеспечение русской армии в период русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., оказавшее огромное влияние на ход боевых действий. Ключевой фигурой в этом процессе был полковник Н.Д. Артамонов, который в 1878 г. возглавил Военно-топографический отдел Полевого штаба Дунайской армии.

Военно-топографический отдел, война, армия, топографическая карта, позиция, укрепление, разведка.

The article considers topographic support of the Russian army during the Russian-Turkish War of 1877th-1878th, that influenced the course of the war. Colonel N.D. Artamonov that headed the Military-topographic department of the field headquarters of the Danubian Army in 1878 is considered to be the key figure in that process.

Military-topographic department, war, army, topographic map, position, fortification, reconnaissance.

Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. стала одним из важнейших событий европейской истории второй половины XIX в. Победа России в этой войне была достигнута прежде всего благодаря храбрости и героическим усилиям русских солдат и офицеров, полководческим талантам военачальников, а также главной цели войны – освобождению балканских народов от османского ига, которая многих вдохновляла на подвиг. Исход сражений определялся не только военной стратегией и тактическими решениями полководцев, но и в значительной степени наличием карт территории военных действий. Обеспечение войск картами имело не меньшее значение, чем обеспечение оружием и боеприпасами. Война 1877 – 1878 гг. стала временем интенсивного развития российской военно-топографической службы. Решающую роль в этом процессе сыграл выдающийся русский военный геодезист и картограф Николай Дмитриевич Артамонов.

2 ноября 1876 г. после объявления манифеста о мобилизации генерального штаба полковник Н.Д. Артамонов был назначен штаб-офицером над вожатыми Полевого штаба действующей армии и 23 ноября прибыл в Главную квартиру армии. В круг его служебных обязанностей входили: сбор сведений о силах, расположении, передвижении и намерениях неприятеля, заботы о поиске частям армии надежных проводников и переводчиков, опрос пленных и лазутчиков, составление общих выводов на основе их показаний, анализ периодических изданий с целью выявления дополнительных сведений о неприятеле. Собранные сведения о дислокации турецких войск в Северной Болгарии, об их сильных и слабых местах в обороне, а также их намерениях отличались подробностью, обобщенные донесения о результатах работы, составленные начальником разведки армии, – обстоятельностью и глубиной анализа, поэтому оказали существенную помощь русскому командо-

ванию при разработке плана форсирования Дуная. В этот период Н.Д. Артамонов стал одним из первых организаторов оперативной и стратегической военной разведки России. Деятельность русских разведчиков получила высокую оценку верховного командования [6].

Одновременно с разведывательной деятельностью для выполнения астрономо-геодезических, топографических и картографических работ при подготовке и в ходе военной кампании на Балканах был создан Военно-топографический отдел Полевого штаба действующей армии в составе начальника отдела, его помощника, восьми офицеров и чиновников Корпуса военных топографов. Начальником этого отдела был назначен полковник (с 1877 г. – генерал-майор) Н.Н. Обломиевский, занимавший до этого штатную должность начальника геодезического отделения Военно-топографического отдела (ВТО) Главного штаба, а помощником – капитан М.А. Савицкий (с 1877 г. – подполковник) – до назначения – младший помощник начальника геодезического отделения ВТО Главного штаба.

Реорганизация и перевооружение русской армии в ходе реформ, проводимых в 60 – 70-х гг. XIX в. под руководством военного министра Д.А. Милютин, обусловили появление новых требований войск к топографическому обеспечению и, как следствие, вызвали необходимость уточнения задач и совершенствования организационно-штатной структуры Военно-топографической службы, состоявшей из управленческого звена (ВТО Главного штаба) и исполнительского звена (корпус военных топографов (КВТ)). Так как этот корпус пользовался благосклонностью Д.А. Милютина – бывшего профессора военной географии и статистики Николаевской академии Генерального штаба, – в ходе реформ престиж военных топографов в армии был поднят на должную высоту [5]. Было положено начало созда-